

Величие фалангитов / The Phalangite Ascendancy (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Величие фалангитов / The Phalangite Ascendancy (рассказ)

Автор	Бен Каунтер / Ben Counter
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Наследники / The Successors
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Входит в цикл	Испивающие Души
Предыдущая книга	Предавший делом / Traitor by Deed (новелла)

Испивающие Души, созданные Имперскими Кулаками в ходе Второго основания, пережили на своём веку не одну трагедию. Их уничтожение и искупление покрыты тайной, все сведения о тех событиях были тщательно отредактированы Святым Ордосом Инквизиции. Ныне братство возродилось, его название и символика перешли к недавно образованному капитулу космодесантников-примарис... но постигнет ли их та же участь, что предшественников?

Брат Кивон провалился сквозь стеклянную крышу, подняв вокруг себя бурю осколков. Ему навстречу понёлся мраморный пол и с силой врезался в правый бок. Камень и керамика треснули. Воин приложился головой о внутреннюю поверхность шлема, и череп пронзила острая, расцветенная багрянцем боль.

Перед глазами запульсировала чернота. Авточувства брони сбились от сотрясения, и на визоре замерцали белые полосы статических помех. Уши наполнились пронзительным звоном.

Он перекатился на спину, машинально проверив снаряжение, как тому был обучен во снах за долгие годы тренировок. Болт-винтовка по-прежнему была магнитно закреплена на бедре, болт-пистолет покоился в кобуре на другой ноге. Связка фраз- и крак-гранат также осталась при нём, как и мономолекулярный кинжал в ножнах. На сетчатку спроецировались искажённые руны состояния, каждая из которых соответствовала той или иной системе доспеха.

Всё функционирует, за исключением визуального канала шлема. Глазные линзы пошли трещинами, и поступающее изображение никак не могло обрести фокус. Кивон стянул головной убор и магнитно прикрепил его к поясу.

Он приземлился в роскошном зале с мраморным полом и стенами, отделанными деревянными панелями, обрамлёнными, в свою очередь, позолоченными растительными орнаментами. Потолок состоял из стеклянных секций в свинцовых рамах, и через выбитое им окно задувал промозглый ветер. Буря над акрополем Скагенграда не думала униматься.

— Кивон на месте, — субвокализировал космодесантник по внутреннему вокс-каналу. — Отрезан от остальных. Упал где-то внутри дворцового комплекса.

— *Брат!* — тут же раздался ответ. Несмотря на создаваемые штормом помехи и предельную для связи дистанцию, Кивон всё равно узнал голос сержанта Фраата. — *Мы в административном секторе. Похоже, ты в трёх милях от нас.*

— Остальные? — спросил Кивон.

— *Живы. Брату Питамену тоже досталось,* — отозвался сержант. — *Но он приземлился гораздо ближе. Мы подберём его по пути к цели. У него сломана нога, однако он в строю.*

Значит, его соратники уцелели. Флотский челнок не стал для них гробом.

— В нас попала молния?

— *Либо она, либо ракета из города,* — хмыкнул Фраат. — *Неважно. Задача прежняя. Обезглавить змею.*

— Обезглавить змею, — повторил воин. — Выдвинусь к вам, как только смогу.

— Ты слишком далеко, брат, — ответил сержант. — Мы уже направляемся к зданию парламента Скагенграда. Тебя мы ждать не можем.

Кивон всё понял без лишних слов. Миссия Испивающих Души на Феофаносе-Минорис заключалась в ликвидации небольшой клики знатных жителей, что входили в состав местного парламента и органов управления. После их устранения остальные незамедлительно подчинятся назначенному губернатору, что избавит имперцев от необходимости развязывать полномасштабную войну для приведения мира к покорности. Таким образом, ударная группировка космодесантников, высадившаяся в акрополе, могла добиться за несколько часов того, на что армиям Астра Милитарум потребовались бы долгие годы с неисчислимыми жертвами.

Парламент должен пасть. Отделение Фраата было одним из подразделений, которым поручили эту задачу. Они не имели права рисковать успехом операции ради спасения единственного бойца, даже космодесантника, тем более если тот мог о себе позаботиться.

— Какие приказы, брат-сержант? — спросил Кивон.

— Иди к парламенту, — велел Фраат, едва слышимый из-за визга помех. — К тому времени он уже падёт, а вместе с ним умрёт восстание. Когда ты придёшь, заседать в нём будут разве что трупы. Но ты присоединишься к нам в преследовании выживших.

— Принято, — твёрдо произнёс Кивон. — Взгляну хоть на обезглавленную змею.

Ответа Фраата он не сумел разобрать. Бушующая над акрополем гроза была достаточно сильной, чтобы сбить челнок их отделения, и она препятствовала работе коммов. До тех пор, пока связь не восстановится, Кивон, находившийся в другом конце дворцового района Скагенграда, будет полностью отрезан от собратьев.

Дворец представлял собой грандиозный шедевр зодческого искусства состоятельных семейств, тех самых, что предали Императора, пока Цикатрикс Маледиктум изолировал их мир от государства людей, и безжалостно расправились с послами, которые должны были уговорить их возвратиться в лоно Империиума. Исходя из данных орбитального сканирования, дворец был исполинским и запутанным комплексом, каждое новое его крыло строилось в расчёте на то, чтобы затмить предыдущее, возведённое другим родом.

Маршрут Кивона пролегал через огромные двойные двери из резного дерева, по обе стороны которых высились статуи в вычурных многослойных одеяниях знати Феофаноса-Минорис. На стенах висели картины, некоторые — величественные портреты высокомерных вельмож, другие — пасторальные пейзажи диких уголков планеты. Кивон провалился сквозь крышу галерейного крыла, гигантского хранилища художественных творений, собранных за тысячи лет.

Из-за двери раздавались голоса. Он достал болт-винтовку, попутно проверив механизм. К счастью, его не повредило. Космодесантник прижался к дверям спиной и, навалившись на них всем своим облачённым в силовые доспехи телом, приоткрыл створки.

В щель он разглядел ещё одно помещение, заставленное многочисленными мраморными скульптурами различных лордов и леди. С десятков людей собирали вокруг них ящики, а также крепили блоки с тросами к крючьям под сводчатым потолком, готовясь к транспортировке.

На Скагенград сошли сами Ангелы Смерти, а местные правители заставляли подданных вывозить произведения искусства, вместе того, чтобы позволить людям покинуть город или хотя бы встать на

баррикады ради безнадёжной борьбы.

Слуги носили цветастые лохмотья, отдалённо напоминавшие пышные убранства аристократов. Вокруг их глаз и ртов тянулись сетки глубоких шрамов, а сочащаяся из свеженанесённых ран кровь придавала чертам схожесть с загримированными лицами гостей бал-маскарада. В щёках и челюстях людей чернели вкрученные родинки. Содранная с рук кожа была собрана так, чтобы походить на манжеты-рюши. В руках они стискивали лазвинтовки и дробовики, похищенные из арсеналов силовиков.

Разведданные с Феофаноса-Минорис не отличалось обстоятельностью, но то, что его обитатели зашли так далеко, всё равно стало для Кивона неожиданностью. Испивающие Души ожидали столкновений с ополченцами, которых правители использовали бы в качестве пушечного мяса и живого щита. Верными, но, по большому счёту, обычными людьми со свойственными им недостатками. Эти же создания, изувеченные в подражание своим хозяевам, являлись чем-то совершенно иным. Похоже, причиной того, что планета отвернулась от имперского света, было вовсе не заурядное восстание.

Из глубин памяти всплыл выученный во снах порядок действий. Кивон мгновенно определил, как убить суетившихся перед ним слуг. Три выстрела из болтера уложат троих врагов, вторая очередь добьёт тех, кто каким-то чудом уцелеет. Затем он бросится в атаку, паля от бедра, чтобы рассеять оставшихся людей. Как только он окажется среди них, им, считай, конец. Прикладом болтера и кромкой боевого кинжала он раскроит черепа. Под кулаками и поножами треснут грудины. Если кто и успеет выстрелить, броня, как знал Кивон, защитит его.

+ Это ещё кто? Его разум яркий и сильный. +

Раздавшийся в мозгу голос заставил воина напрячься. Болезненный и угрожающий, он шипом вонзился ему в мысли. Всё его естество сжалось, сердца забились чаще.

+ Не такой тупой и жестокий, как у остальных, которых я ощущаю в своём городе. Нет, этот острей. Он любознательный. Вопрошающий. +

— Кто ты? — прошипел Кивон.

+ Не этот ли вопрос ты задаешь себе? +

— Мои братья выследят тебя, ведьмак!

+ Довольно. Ничтожество! Верные орудия своих господ! Умрите за меня! +

На Кивона разом обратилось двенадцать пар глаз, когда фанатики внезапно поняли, что в сумраке дверного проёма кто-то есть.

Воин позволил вбитым в себя инстинктам взять верх. Он вскинул болтер, и палец тут же сжал спусковой крючок. Разрывные болты с грохотом устремились в зал со статуями, оставляя за собой клубящийся дымок сгорающего микроракетного горючего. Среди людей расцвели взрывы, и трое из них рухнули в брызгах алой крови.

— Иконоборец! — проорал фанатик в зелёном шелковом рванье, крепившемся к телу большими стальными иглами. — Убить его! Защитить красоту!

Мятежники бросились врассыпную, открыв беспорядочный ответный огонь. Кивон нырнул за основание конной статуи. От лазерных лучей и автоматных пуль мрамор покрылся трещинами и сколами, несколько попаданий оторвали голову изваяния и руку со сжатым в ней мечом.

— Аккуратней! — крикнул тот же слуга, что отдал приказ. — Их красота непорочна! Непорочна!

Осталось девять, бегло подумал космодесантник. Если он даст им шанс, если допустит оплошность, если говоривший с ним колдун наделит их силой, они могут доставить хлопот.

Кивон упёрся плечом в скульптуру и толкнул её. Прочные, как стальная проволока, нервно-волокнистые пучки, что опутывали его развитые мышцы, натянулись до предела. Изваяние вздрогнуло. Десантник, напрягаясь, перетянул дальнюю ногу к себе. Вгрызаясь в паркетный пол, блок сдвинулся с места. Кивон пихнул статую в сторону, откуда вёлся самый плотный огонь, и, завалившись, конная фигура разбилась о ящики с другими скульптурами.

Фанатики попытались отползти прочь, но Испивающий Души несколькими размашистыми шагами преодолел разделявшее их расстояние, лишив врагов единственного значимого преимущества.

Один бунтовщик нырнул за обсидианового быка в натуральную величину. Возможно, фанатики и не хотели вредить статуям, но вот Кивон их нежелания не разделял. Десантник врезал скульптуре в бок, и треснувший словно стекло камень осколками посыпался на противника. Один кусок, острый как разбитое стекло, упал слуге на грудь и пригвоздил его к полу. Оцепенев от шока, человек устался на своё пронзённое тело.

Кивон проявил к нему милосердие, походя всадив болтерный снаряд в глотку до того, как тот успел ощутить боль.

Другой фанатик полз по полу, стараясь держаться ниже линии огня. Пара выпущенных болтов прошла сквозь его тело и взорвалась в полу, изрешетив ему спину щепками.

Осталось семеро.

В его сторону забили багряные лучи. Воин на бегу поднял левую руку, выставив многослойный керамит наплечника между головой и стрелком. Он налетел на фанатика в экстравагантном фраке, сделанном из выдубленной и украшенной вышивкой кожи, и, увлекаемый инерцией, впечатал его в покрытую надписями гранитную плиту. Камень треснул от удара, и Кивон почувствовал, как грудная клетка неприятеля с хрустом смялась внутрь.

От силового ранца срикошетила пули. Космодесантник вихрем развернулся, попутно разряжая болтвинтовку, и два снаряда угодили очередному слуге в лицо и плечо. Мужчину крутануло в фонтане крови, забрызгавшей лицо женской скульптуры из белого мрамора.

Осталось пятеро.

Один из мятежников с воплем бросился на Кивона. Испивающий Души наотмашь врезал ему по лицу, не дав подобраться достаточно близко, чтобы нанести удар примкнутым к лазвинтовке штыком. Голова противника резко дёрнулась в сторону, и тот кулем повалился на пол. Оставшиеся противники укрылись среди наполовину упакованных статуй, пытаясь решить, отстреливаться ли им здесь, или отступить вглубь галереи.

Стреляя с одной руки, Кивон опустошил магазин до конца. Болты прошли плечо и грудь фанатика, сжимавшего громоздкий флотский дробовик, и разорвали ему спину. Другой рукой Испивающий Души достал боевой нож, тем же плавным движением отрубив руку следующему врагу. Перемахнув через лежавшую на боку скульптуру в рясе, космодесантник вогнал лезвие в грудь повстанцу, а затем, резко извлекая клинок, ткнул острием в горло ещё одному, словно дуэлянт — рапирой. Кинжал прошёл сквозь

челюсть и погрузился в основание мозга, и мужчина обмяк ещё до того, как Кивон успел выдернуть оружие обратно.

Последний фанатик бросился искать укрытие среди статуй в дальнем конце комнаты. Кивон метнул ему вдогонку нож. Лезвие пробило врагу лопаточную кость и вышло из груди, пригвоздив слугу к венценосному изваянию, державшему развевающийся каменный стяг.

Подбежав к пронзённому телу, воин извлёк нож и усилием воли заставил сердца биться медленней. Он не слышал ни дыхания, ни звуков перезаряжаемого оружия, ни шагов по половицам. Поблизости не осталось противников, в воздухе витал лишь смрад болтерного топлива и разорванных тел.

+ Впечатляет, + раздался всё тот же незнакомый голос. + Какая поразительно излишняя жестокость. Сыщется ли более имперский звук, чем хруст тела под керамитной латницей? +

— Ты слишком болтлив для того, чьи союзники гибнут один за другим, — отрезал Кивон. — Мои братья истребляют их прямо сейчас. Парламент вот-вот падёт, если уже не пал.

+ Глупо полагать, будто меня волнуют эти надушенные дворняги. + Будь ответ произнесён вслух, он непременно сопровождался бы надменным фырканьем. + Но мне это нравится, брат... Кивон? Да, Кивон. Сопrotивляйся! Высмеивай и отвергай меня! До чего же глуп и упорен твой вид. +

— Твои рабы долго не продержались, — парировал Испивающий Души. — Думаешь, ты справишься лучше? Я найду тебя, ведьмак!

+ Ничуть не сомневаюсь, брат Кивон. Я и не прячусь. +

Испивающий Души вновь прошёлся по каналам вокс-сети, однако ни со своим отделением, ни с капитаном Кьюхей ему связаться не удалось. Он по-прежнему был один. Снаружи продолжала яриться буря, наполняя эфир визжащей статикой.

Космодесантник перезарядил болт-винтовку и направился к двери. В инструктаж перед операцией входило изучение плана дворца, и, порывшись в памяти, Кивон понял, что оказался где-то в южных крыльях. Значит, ему требовалось пройти через центральные галереи, чтобы соединиться с остальной ударной группировкой. Он понятия не имел, что ждало его впереди, за исключением того, что где-то там скрывался могущественный псайкер, который знал о присутствии незваного гостя.

Следующая комната имела высокий потолок, чтобы вместить умопомрачительных размеров полотна. Там же находились кресла с откидными спинками и пара бездействующих сервиторов-прислужников, призванных обеспечить комфорт правителям города, пока те созерцали величественные произведения монументального искусства. В зале витали густые ароматы духов, смешивавшихся с вонью отработанных газов и крови из галереи со статуями.

На ближайшем холсте была изображена батальная сцена: закованная в броню конница сшибалась с войском дикарских ксенорептилий. На копьях кавалеристов развевались флажки древних благородных домов Феофаноса-Минорис. Пришельцы гибли под копытами генетически выведенных боевых скакунов. Одна пика вырывалась из горла чужака, и брызги пурпурной крови на переднем плане невольно притягивали к себе взгляд.

+ «Битва при Криксусе», + вновь прозвучал голос псионика. + Обрати внимание на лицо первого сатрапа Коронделы, того, что впереди остальных. Обрати внимание на его шрамы. Художник показал отметки, доставшиеся ему на полях брани, но не стал изображать те, что он получил, развлекаясь в

домах удовольствий. +

— А ты, я погляжу, эксперт, — сказал Кивон. Ему не особо хотелось вести светскую беседу с чародеем, но чем дольше они говорили, тем больше он смог бы выведать о своём противнике.

+ Естественно. Я ведь был хранителем галерей. Раньше, до всего этого. +

Из других концов акрополя доносилась пальба. Испивающие Души наступали, и аристократы, удерживающие здание парламента, оказывали отчаянное сопротивление. Пока что Кивон не имел возможности узнать, как продвигается бой.

Он изучил расходящиеся на восток и запад галереи в прицел болт-винтовки. Снова картины, некоторые уже завешены белыми полотнищами и готовы к перевозке. Воин отвлечённо подумал о том, сколько они могли стоить. В одном мире на них можно было купить город, даже целый континент, но в другом их цена равнялась разве что древесине, из которой были сделаны их рамы. Или, возможно, в Империуме существовала планета, где сокровища Скагенграда считались легендой, кладезем культурного достояния. В Галактике было полно миров, и ещё больше забытых на долгие столетия планет, так что сказать наверняка не мог никто.

Искусство не входило в сферу интересов космодесантников, но это не мешало Кивону признать красоту окружавших его произведений, как и тот факт, что многие люди положили жизнь на то, чтобы окружить правителей планеты такой роскошью. Пока всплывающие в памяти боевые обряды помогали ему подмечать запасные выходы и направления вероятных атак, он всё равно невольно подмечал великолепие творений, а равно заложенные в них смыслы.

+ Что ты видишь, брат? +

Псайкер читал его разум. Мысли могли выдать его. С каждой секундой колдун узнавал о нём всё больше.

+ Когда я это узрел, то преобразился полностью. Свернуть назад я бы уже не смог при всём желании. Подумать только, миллионы людей проходили по этим залам, не видя того же, что я. А ты видишь, брат Кивон? +

На картинах были изображены сцены битв и коронаций, свадеб и прений. По предбоевым инструктажам Испивающий Души узнал внутренние помещения парламента, а также видневшиеся повсюду символы благородных семейств.

— Я здесь не для того, чтобы восхищаться твоими талантами гида, — заявил он. — Ты еретик, и тебя ждёт смерть.

+ Говоришь как солдат! + раздался глумливый голос, нарочито прозвучавший так, чтобы вывести его из себя. + Но полно, брат Кивон. Не притворяйся, будто тебе самому не любопытно. +

Внутри воина вспыхнул гнев, но не столько из-за тона чародея, сколько потому, что тот был прав.

+ До чего потрясающе увидеть искру твоего разума, брат! Огонь, что перескакивает с одной мысли на другую! Здесь у нас редкий представитель своего вида. Такой мозг, да в голове у, ни много ни мало, космодесантника!

Кивон выругался про себя. Его мысли не были защищены, и псайкер читал их так же легко, как если бы он выкрикивал их во всеуслышание.

Десантник вспомнил библиария Оксиата, боевого псионика Испивающих Души, погибшего на Кеприсе. Он сумел бы оградить разум собрата, сделав его неприступной твердыней для колдуна. Сам Кивон не обладал психосилами, поэтому не мог воспользоваться ими ни как оружием, ни в качестве защиты.

Кивон торопливо прогнал имя Оксиата из мыслей. Ему совершенно не хотелось, чтобы чародей рылся в его памяти. Вместо этого он вспомнил уроки по защите рассудка от колдовского воздействия. Один из методов его охраны заключался в абсолютном презрении к врагу — броне ненависти, щите отрицания, — призванном затупить ментальный натиск псайкера. Впрочем, ведьмак будет ожидать именно такого примитивного отпора и лишь посмеется над потугами Кивона.

Требовался другой способ, и тогда в голове Испивающего Души всплыло одно воспоминание ещё из его бытности новичиадом. В своё время всё тот же Оксиат поведал ему о том, что разум можно сокрыть с помощью потока мыслей, бесполезных для вражеского псайкера. Своеобразного ментального сора, чтобы забить эфир и оглушить ведьмака, пылевой бури, призванной отвлечь его внимание.

Кивон мысленно погрузился в обширное хранилище на задворках памяти, заполненное в чётком соответствии с заученными во снах боевыми обрядами космодесантника-примарис. Тактические проповеди, ритуалы экипирования, показательные сражения, сам Кодекс Астартес — весь этот массив информации без остатка занял мысли десантника.

«Космодесантник существует только в битве, — пришло ему на ум предисловие к Кодексу. — Когда он не на поле брани, он готовится к нему. По достижении победы он усваивает её уроки. Он существует только в бою, и он сражается каждую секунду, пока не умрёт» .

Кивон бросился к ближайшим дверям, ударом плеча распахнув их настежь. Воин ворвался в комнату, заставленную всё теми же картинами, на этот раз портретами степенных дворян, со своей высоты предосудительно взирающих на спящих внизу зрителей.

«Подойди к врагу как можно ближе, и ты лишишь его шанса победить себя» . — Новые слова, теперь уже приписываемые Рогалу Дорну, примарху старого капитула, от которого Испивающим Души досталось название. Кивон нуждался во враге, с которым мог бы сойтись вплотную. Он нуждался в битве.

Из арки справа от него послышались голоса. Он побежал туда, в одной руке стискивая болт-винтовку, а в другой — боевой нож. Залетев в комнату, космодесантник обнаружил перед собой величественный фонтан в форме восседающего на коне одоспешенного рыцаря, из трехствольного ружья в его руках били струи воды.

Через ведущие наружу двери только-только вошли два огромных, промокших до нитки мутанта — жутко деформированных недолюдей с несимметричными, увитыми бугрящимися мышцами телами и искажёнными в свирепой гримасе мордами.

Должно быть, их специально вызвали в галерею, чтобы расправиться с проникшим внутрь врагом. Тем не менее, внезапное появление Кивона не застало их врасплох. Один из них тут же выстрелил из дробовика, исторгнув в зал тучу раскалённой шрапнели.

Не лучший выбор оружия для такой работы. О броню Кивона застучали сотни горячих дробинок. Несколько попали ему в неприкрытое лицо, но от большинства десантника защитил высокий горжет, а остальные безвредно отскочили от керамитных лат.

Второй мутант сбросил с плеча тяжёлый стаббер и стал нащупывать огромными пальцами спусковой

крючок. Кивон врезался в него прежде, чем тот успел открыть огонь, и повалился вместе с ним в бассейн.

Хладнокровно и быстро. Вот как сражаются Испивающие Души. В памяти всплыло одно из немногих, что сохранилось в имперских летописях о старом ордене. Единственная заповедь, которую они оставили своему новому воплощению в лице примарисов.

Хладнокровно и быстро, и никакой пощады.

Мысли Кивона наполнились усвоенными во снах сведениями. Боевые стили и болевые точки. Анатомия людей и недолудей, лучшие способы обездвигнуть и убить противника. Он увидел светящиеся строчки, описывающие каждый сустав и мышцу. Воин прокатился через неглубокий бассейн и, оказавшись позади существа, одним взмахом ножа подрезал ему сухожилия. Мутант бессловесно завопил, когда нога, на которую он попытался встать, подогнулась под его весом. Кивон перевернулся на спину и всадил три болта точно ему в макушку и огромные мясистые плечи.

Заряды разорвались в грудной полости монстра, разнеся рёбра на куски. Кивон бегло вспомнил вес ракетного топлива и скорость масс-реактивных болтерных снарядов. Вспомнил уравнения увечий, наносимых мышцам и костям. Математику насилия.

Тем временем второй мутант забросил дробовик за плечо и поднял огромную стальную трубу, к концу которой цеплялись куски скалобетона. Великан вошёл в бассейн, поалевший от крови другого существа, и с силой обрушил импровизированную дубину на Кивона.

Броня выдержала, хоть тело космодесантника и скрутило от тупой ноющей боли. Он намеренно оставил себя открытым. Просчитанный риск.

Перед глазами всплыли образы его собственной физиологии. Внутренний нагрудник из сросшихся рёбер и чёрного панциря, посредством которого его тело соединялось с латами, двойные сердца и третьё лёгкое, плотные кости и увеличенные мышцы. Удар оказался весьма болезненным, но не опасным для жизни.

Кивон поднял болт-винтовку и выстрелил. Снаряд попал мутанту в бедро и разнёс сустав на куски, но существо с рёвом ринулось к нему, либо слишком выносливое, либо слишком глупое, чтобы осознать серьёзность увечья. Видимо, его остановит разве что смертельный выстрел.

Испивающий Души перекатился на ноги и, пригнувшись, налетел на мутанта. В голове поднялась целая буря из сведений о боевых приёмах, дуэлях, борьбе, способах искалечить другое живое создание с помощью сотен видов оружия и тысяч техник. Он резко наступил на выставленную вперёд ногу твари, сломав сабатомом берцовую и голennую кости.

Мутант дёрнулся к нему, и тогда космодесантник схватил его за горло, после чего, воспользовавшись собственной инерцией существа, приложил головой в бок мраморного коня. Череп мутанта врезался в камень с такой силой, что на нём осталась растрескавшаяся вмятина.

Тело сползло в грязную воду, приобретшую теперь тёмный, винно-красный цвет от крови двух мутантов. Создание, чьи мозги вытекали из раскроенного лба в бассейн, издало последний хриплый вздох.

Непосредственная угроза миновала, но ему следовало двигаться дальше. Кивон быстро проверил все пути внутрь и наружу, подступы, укрытия и огневые точки. Шальной выстрел выбил одну из стеклянных панелей у входных дверей, и сквозь дыру теперь хлестал ливень. Воин заново пересчитал влияние на бой

погодных факторов: вода и грязь под ногами, воздействие ветра на полёт снарядов, грохот грома, который мог скрыть шаги врагов или звук перезаряжаемого оружия.

Нужно продолжать думать, наполнять мысли пустым шумом. Он бросился через дверь, забрызганную кровью мёртвых мутантов, в уме просчитывая вероятность нападения врагов, притаившихся с другой стороны, либо того, что там могла оказаться натянутая на высоте лодыжки замаскированная растяжка с гранатой.

— Вот и ты, — сказал псайкер.

Это был тот самый голос, но он прозвучал не у него в голове. Слова были произнесены вслух.

Кивона сбило с ног. Комната стремительно закружилась, так что космодесантник успел разглядеть лишь каннелированные колонны и купольный потолок с фресками, на которых были изображены сражающиеся против демонов ангелы. Произведения искусства, стоявшие брошенными у стен или сваленные в кучи. И мужчину, худощавого и невзрачного, в длинном сером пальто с серебряной оторочкой, помечавшей его как высокопоставленного слугу знатного семейства.

Испивающий Души впечатался в стену. Конечности будто зацементировались в камень, лишив его всякой возможности шевелиться. Давление было настолько сильным, что даже дышать ему давалась с огромным трудом.

Псионик, самодовольно ухмыляясь, держал руку вытянутой в направлении Кивона, а второй тем временем совершил череду пассивных движений, заставивших пальцы десантника разжаться и выпустить болт-винтовку с кинжалом, которые со стуком покатались по полу.

— Ты почти переиграл меня, брат Кивон, — произнёс псайкер. Его лицо было тонким и бледным, с высокими скулами, тонким ртом и длинным прямым носом, на котором сидели небольшие круглые очки. Соломенные волосы мужчины были коротко подстрижены, открывая три крошечных невральных разёмов на виске. Он не имел при себе ни украшений, ни оружия. В любой другой ситуации Кивон едва бы обратил на него внимание. Псайкер склонил голову набок, пристально разглядывая попавшего в ментальную ловушку космодесантника. — Я не слышал твоих мыслей. Даже не мог понять, где ты. Однако судьба всё равно свела нас. Ты наделал снаружи немало шума. Мне не требовались пси-силы, чтобы знать, что ты идёшь.

— И вот ты меня поймал, — ответил Кивон. Всё, что он сейчас мог, — это говорить. — Ты можешь раздавить меня прямо сейчас. Взорвать мои сердца. Вырвать мне мозг. Но ты этого не делаешь. Поэтому я вынужден спросить, чего ты от меня хочешь?

— Не у каждого есть ручной космодесантник, — с ухмылкой сказал псионик. — Впрочем, ты прав. Ты слишком хорош, чтобы просто умереть. Я видел твой разум, брат. Острый, любознательный. Но странным образом несформированный. Цельный, но незапятнанный, и заполненный всевозможными сведениями о войне. А под всеми этими познаниями о насилии — чистый лист. Брат Кивон пока не родился. Галактика ещё не создала твою истинную личность.

— И как же зовут моего покорителя? — поинтересовался Кивон. Помимо гнева на то, что его обвели вокруг пальца, и ненависти к чародею-еретику, в нём также вспыхнуло весьма человеческое раздражение из-за глумливого тона псайкера. — Под каким именем войдёт в историю человек, сумевший заболтать Испивающего Души до смерти?

— Обоснованный вопрос, — заметил колдун. — Меня зовут Двайнен Кессеот. Всю свою жизнь я изучал

историю имперского творчества, чтобы служить знати акрополя, присматривая за самыми прекрасными произведениями искусства. Это был наивысший пост, на который я мог рассчитывать. Но к тому моменту всё изменилось.

— Удивил так удивил, — сказал Кивон. — Я-то думал, здесь замешаны деньги.

— Юмор не идёт Ангелу Смерти, — отозвался Кессеот. — Но, раз так хочешь, давай померимся интеллектом. Посмотрим, насколько ты умён. Мои силы пробудились в то же время, когда я решил вырвать этот ничтожный мирок из хватки Имперума. Катализатором этого изменения стало нечто, что я увидел здесь.

Кессеот вновь повёл рукой, и спустя несколько секунд через дверь в галерею вплыла одна из монументальных картин. С той самой сценой атакующей знати, которую раньше заметил Кивон, «Битва при Криксусе».

— Ты это видишь, брат? — повторил псайкер. Кивон заметил на его лице искреннее любопытство, а ещё надежду. Кессеот хотел, чтобы десантник пришёл к тому же выводу, что и он, чтобы тем самым оправдать своё безумие.

Вот она, возможность. Если он продолжит разговаривать с Кессеотом, если и дальше будет играть с безумным колдуном в его игры, то сможет выгадать несколько драгоценных секунд для ответного удара. Внимание псионика блуждало между Кивоном и картиной, и Испивающий Души почувствовал, что начинает немного шевелить правой рукой. Впрочем, болт-винтовка и нож всё равно лежали слишком далеко, чтобы ими воспользоваться.

Кивон уставился на картину, пытаясь разглядеть ту самую мелочь, что подарила Кессеоту такое откровение.

— Ты видишь? — произнёс Кессеот. — Скажи мне.

Передняя фигура, сатрап на скакуне, точно был не той деталью, которую имел в виду колдун. Слишком очевидно. Пришельцы-рептилии были изображены схематично и несодержательно — судя по всему, художник работал без модели. Обычный имперский житель редко когда мог увидеть ксеносов вживую, поэтому зачастую чужаки показывались абстрактно нечеловеческими и пышущими свирепостью фигурами. Небо над Криксусом было тёмным, местами расчерченным алеющими полосами.

На заднем фоне, почти сливаясь с мглой, смутно виднелись копья и сплоченные ряды. Несколько тусклых вспышек выстрелов. Завитки багряной краски, указывающие на плюмажи на десятках шлемах.

— Там, — сказал Кивон, — позади конников. — Горожане-солдаты. Народ.

Кессеот улыбнулся. За его глазами затеплился свет.

— И? — подтолкнул он.

— На самом деле битву выиграли они.

— Победа при Криксусе досталась благодаря стрельцам, сбросившим ксеносов в море. Высокородные кавалеристы были деталью. Отвлекающим ударом. Если бы не безликие пехотинцы, никакой победы бы не было. И когда я это понял, меня озарило. — Лицо Кессеота стало экстаичным, как у человека, которому явилось священное видение. — Люди. Массы. Низкородные. Всё, что есть у вельмож, отнято у народа. Победа при Криксусе, каждое выигранное сражение. Каждый кредит и монета, каждая нить

наряда, каждый фундамент каждого города. Всё создано кровью и потом народа. Всё украдено их правителями, перекрашено и выдано за триумф тех, кто не имеет к нему отношения.

— И ты восстал, — сказал Кивон. Приложив усилие, он слегка стиснул пальцы, воспользовавшись дарованной ему Кессеотом толикой свободы.

— Мой разум проснулся, — продолжил псайкер. — Я понял, что мне нужно делать. И теперь у меня есть для этого силы. Я пролил немало горьких слёз оттого, что насилие — единственный способ освободить этот мир, но иного пути нет.

— Люди страдают от тебя точно так же, как страдали под гнетом высокородных, — ответил Кивон. Если он втянет Кессеота в споры, то сможет выиграть ещё пару секунд. Правая рука сумела вытянуться чуть дальше. Почти. — Они гибнут ради тебя так же, как умирали за того пижона-сифилитика. Ты отправил их ко мне на верную смерть.

— Я не говорил, что мой путь идеален, брат, — парировал Кессеот, пожимая плечами. — Приходится работать с тем, что есть.

— Давай предположим, что ты каким-то образом пережил штурм дворца, — возразил Кивон, — и ты — доблестный освободитель Феофаноса-Минорис. Что дальше? Ты действительно веришь, что Империиум позволит этому миру отколоться? Ты отправишься на следующую планету в качестве пророка свободы, не боясь, что Терра обрушит на тебя свою ярость?

— Нет, конечно, — ответил чародей. — Я же не болван. В конечном итоге меня остановят, а мятеж подавят. Но разве мог я, получив такое откровение, остаться безучастным? Лучше умереть в тщетной борьбе, чем продолжать быть винтиком в безжалостной системе. И Империиум истечёт кровью, прежде чем убьёт меня.

Пальцы Кивона нащупали металлическую капсулу размером с ладонь, магнитно закреплённую на латном поясе. Да, у него не было ни болт-винтовки, ни ножа, но безоружным он не был.

Большим пальцем он выдернул чеку из фраг-гранаты, воспламенив рассчитанный на три секунды запал.

Кессеот стиснул кулак. На Кивоне сомкнулись телекинетические оковы. Затрещал керамит.

— Кровопускание, — сказал псайкер, — начнётся с тебя.

Вся мощь взрыва пришлась на Испивающего Души. Отброшенный ударной волной, Кивон мгновение ничего не видел и не слышал. Спину пронзила острая боль, когда раскалённые осколки нашли путь меж пластинами брони.

Шум, ярость и боль стали всем его миром на ту долю секунды, за которую детонация израсходовала свою энергию, захлестнув комнату огнём.

Постепенно к нему вернулись чувства. Он пролетел через всё помещение и, врезавшись в дальнюю стену, сполз на пол. Доспехи выдержали, чего нельзя было сказать об источнике питания в ранце.

Двайнен Кессеот лежал на полу под Кивоном, придавленный тяжестью десантника и его снаряжения. Рядом валялись картина с битвой при Криксусе, вся разорванная и в треснувшей раме.

Псионик был ещё жив. Лицо мужчины, испещрённое дымящимися ранками от осколков, скривилось в гримасе, когда он попытался воспользоваться мощью своего разума. Взрыв нарушил его концентрацию,

но ещё мгновение, и он поймает Кивона в пси-кулак снова. И на этот раз Кессеот не станет тратить время на рассуждения.

Кивон не дал ему этого сделать. Он отвёл кулак назад и с силой впечатал его в лицо колдуна.

Пучки мышечных волокон сжались. Сердца прогнали по телу перенасыщенную кислородом кровь. Космодесантник обрушил на череп Кессеота всю свою мощь, и кость чародея не выдержала.

Кивона забрызгало кровью. Воин почувствовал её привкус, металлический и тёплый. Испивающий Души вытянул кулак из багрового месива, и то, что осталось от могущественного мозга Кессеота, закапало на пол.

Центральная башня, чьи опоры сильно пострадали от плотного огня, обвалилась внутрь полыхающего остова парламента. Тела правивших планетой аристократов, которых не успело пожрать пламя, раздавило под упавшими на сессионный зал камнями. Испивающие Души расстреляли их из болтвинтовок в считанные минуты, несмотря на упорную, но в конечном итоге бессмысленную оборону придворных войск.

— Знатное представление вы тут устроили, — сказала инквизиторская представительница. Капитан Кьюхья из Второй роты Испивающих Души не стал спрашивать её имя. Если бы Инквизиция хотела, чтобы он знал, ему сообщили бы. Представительница, худощавая женщина с коротко подстриженными тёмными волосами в богато украшенном пустотном костюме, ещё несколько мгновений любовалась видом горящего акрополя. — Пусть Адептус Астартес и грубый инструмент, они оставляют после себя восхитительные зрелища. Вы видели здешние галереи?

— Им нанесён урон, — отозвался Кьюхья. — Движущей силой восстания был ведьмак, устроивший в них своё логово. В ходе его уничтожения некоторые произведения искусства были утрачены. Большая часть коллекции, впрочем, уцелела.

— Наверное, я слишком много хотела, думая, что их удастся сохранить полностью, — сказала представительница. Её лицо покрывали узоры из серебряных электросхем, а глаза, того же цвета, не имели ни радужек, ни зрачков, так что выражение женщины осталось нечитаемым. — Тем не менее, мои хозяева всё равно не забудут вашей помощи в спасении коллекции.

— Мы сделали это не в качестве услуги твоим хозяевам, — строго ответил Кьюхья. — Феофанос-Минорис был захвачен еретиками. Мы вернули его обратно к свету Империи.

— И тем самым улучшили отношения со Святым Ордосом Инквизиции, — мягко заметила представительница. — Император восстановит свою власть, а Инквизиция получит бесценные сокровища Империи. Все в выигрыше, капитан. Кроме еретиков. Ну и, естественно, мы не помышляли оставить вас без награды за проявленную доблесть.

Представительницу сопровождала свита сервиторов — двуногих позолоченных машин сугубо декоративного вида. Один из них выступил вперёд, держа в руках-манипуляторах скатанный холст.

— С наилучшими пожеланиями от ордоса, — произнесла женщина.

Кьюхья принял свиток и позволил ему развернуться. Это оказалась картина. На ней были изображены два воина с мускулатурой и хирургическими шрамами космодесантников, сражавшихся короткими мечами на присыпанной песком арене. Один боец был уже ранен — первая кровь была пролита, а

значит, дуэль запечатлели в её последние мгновения. Ряды кресел занимали десантники в самых разных облачениях, внимательно следившие за ходом поединка, а позади них висели стяги нескольких капитулов. Капитан с первого взгляда узнал чёрную латницу Имперских Кулаков и элегантный крест Чёрных Храмовников. Здесь присутствовали все братства, именовавшие Рогала Дорна своим примархом, как делали это и Испивающие Души, дабы почтить сгинувший орден, чьи название и цвета они носили. То, что Дорн был их примархом, являлось единственной непреложной истиной, известной о первых, ныне забытых Испивающих Души.

— Пир Клинков, — догадался Кьюхья.

— Картина больше тысячи лет, — сказала женщина. — Названа «Величие фалангитов». Сыновья Дорна проводят Пир Клинков лишь раз в столетие и ещё реже допускают на него художников. Это событие происходило на самой «Фаланге», что делает картину настоящей редкостью. Мы сочли, она станет подходящим даром, дабы выразить нашу признательность.

Взгляд Кьюхья упал на одну группу наблюдателей. На их месте виднелись лишь силуэты, вместо деталей был чистый холст, которым закрыли вырезанную дыру. Одно из знамён было удалено схожим образом.

Затем его внимание привлёк один из двух обнажённых космодесантников, тот, что получил ранение. На его груди, поверх стянутой кожи, прикрывающей вставки подкожного чёрного панциря, красовалась татуировка. *Frigidarum celeries*.

Хладнокровно и быстро.

— Это же Испивающий Души, — ахнул капитан. — Но его братьев вырезали из картины. Тот, кто удалил их, он забыл о девизе старого ордена. — Воин перевёл взгляд на инквизиторскую представительницу. — Испивающие Души не были забыты. Сведения о них вымарали намеренно.

— Похоже на то, капитан. Весьма занятно.

— Только Инквизиция способна стереть капитул Космодесанта из истории.

— Интригующая теория, — не дрогнув мускулом, сказала женщина. — Но, увы, у меня нет времени обсуждать твои умозаключения. Мои люди собирают произведения искусства для транспортировки. Нужно проследить за ходом приготовлений. Их руки не отличаются нежностью. Да придёт с тобой победа, капитан. Император защищает.

В сопровождении позолоченных сервиторов представительница направилась к галереям дворцового района. Кьюхья хотел было окликнуть её и потребовать ответов, но сдержал себя. От неё он ничего не выведает.

Если бы Инквизиция хотела, чтобы он знал больше, ему сообщили бы.

Кивон бросил в огонь очередной труп. Тела, не уничтоженные при разрушении парламента, собрали для сожжения на костре. Так мёртвые будут очищены от своего греха, и их обугленные кости останутся лежать в качестве напоминания о возмездии Империиума.

После смерти Двайнена Кессеота буря стихла сама собой, и едва морозящий дождик не мог погасить пожирившее тела пламя.

Труп Кессеота лежал у ног Кивона. С разбитой головой колдун ничем не отличался от других мёртвых

лакеев знати Феофаноса-Минорис. И, в великой галактической игре, Кессеот не значил ровным счётом ничего. Просто очередной вольный псайкер, ещё один бунтовщик, которые с гнетущей частотой восставали во всех уголках Империиума и уничтожались инструментами имперского гнева наподобие Испивающих Души.

Он поднял безвольное тело псайкера. Из окровавленного, изодранного пальто чародея что-то выпало. Кивон швырнул тело в огонь, и Двайнен Кессеот сгинул навсегда.

Десантник нагнулся, чтобы подобрать упавший предмет. Им оказалась книга в кожаном переплёте, закрытая на золотую застёжку. В огромной руке воина томик выглядел совсем крошечным. Кивон расстегнул застёжку, и книжица открылась на странице, покрытой плотными строчками текста и местами заляпанной чернильными кляксами. То, с какой резкостью были выведены каракули, красноречиво свидетельствовало о страстности и пыле их автора.

Идеологические принципы Кессеота, изложенные чародеем в горячечном бреде. Пробуждающие психосилы свели его с ума, и своё сумасшествие он излил на страницы этой самой книги.

Кивон повернулся, собираясь швырнуть её в огонь вслед за телом псайкера. К чему оставлять такое вместилище ереси? Пусть лучше оно обратится в пепел.

Внезапно его запястье свело судорогой, и желание кинуть томик в костёр угасло само собой. Пока его рано предавать огню. Подсознательным, отработанным движением Кивон проверил механизм и боезапас болт-винтовки и, быстро сосчитав оставшиеся магазины, машинально опустил книгу в подсумок.

Он тут же забыл и о книге, и о Кессеоте. На Феофаносе-Минорис Испивающих Души ждало ещё много работы, и он не мог позволить себе отвлекаться на досужие размышления. Закрыв подсумок, брат Кивон отвернулся от костра с совершенно пустым разумом.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Величие_фалангитов_/_The_Phalangite_Ascendancy_\(рассказ\)&oldid=19434](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Величие_фалангитов_/_The_Phalangite_Ascendancy_(рассказ)&oldid=19434)

Эта страница в последний раз была отредактирована 5 апреля 2022 в 23:09.